

мало; за благочестивую жизнь пользовался уваженіемъ весьма многихъ, приходившихъ къ нему за совѣтомъ и для бесѣды. Скончался онъ въ г. Енисейскѣ 15 апрѣля 1843 года.

(Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Даниила. Москва, 1855 г. 1874 г. Самар. епарх. вѣд. 1873 г. № 15.)
Здр.

Данииль (въ мѣрѣ — *Дмитрій Михайловичъ Мусатовъ*), архимандритъ, ректоръ екатеринославской духовной семинаріи (1800—1855 гг.). Мусатовъ былъ сынъ священника и родился въ 1800 г. въ орловской губерніи; образование получилъ въ орловской духовной семинаріи и въ 1830—1835 гг. въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ съ степенью магистра и былъ назначенъ инспекторомъ калужской дух. семинаріи. Въ 1840 г. 1 декабря онъ постригся въ монашество съ именемъ Даниила, 6 декабря рукоположенъ въ іеродіакона и 8 декабря въ іеромонаха. Съ этого времени о. Данииль усердно занялся проповѣдничествомъ, ему же было поручено преподавать воспитанникамъ семинаріи катихизическое ученіе по праздникамъ, въ 1842 г. онъ перемѣщенъ на классъ свящ. писанія, а въ 1843 г. уволился отъ должности инспектора. Въ 1847 г. 31 октября онъ былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ въ кievскую дух. академію, въ 1850 г. сдѣланъ инспекторомъ академіи и 30 октября возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ екатеринославской духовной семинаріи, но 17 июня 1855 г. скончался отъ холеры. Сочиненія его, по большей части проповѣди, напечатаны въ журналѣ «Странникъ», начиная съ декабрьской книжки 1879 года.

(Странникъ, 1879 г. № 12, 1880 г. № 1.)
Здр.

Данииль, митрополитъ московскій и всея Русіи. Первое историческое извѣстіе о личности митрополита Даниила встрѣчается въ 1515 году при избраніи его въ игумена Волоколамскаго монастыря. Предъ своею кончиною преподобный Іосифъ Волоцкій предложилъ братіи своего монастыря самой избрать себѣ игумена. Выборъ братіи палъ на «старца Даниила» — «рязанца». Преподобный Іосифъ благословилъ избраніе Даниила, а митрополитъ Варлаамъ рукоположилъ его въ

игумена. Судя по своему прозвищу, Данииль происходилъ изъ рязанской области. Религіозное воспитаніе онъ получилъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, который получилъ въ то время, благодаря своему основателю, значеніе особой религіозно-воспитательной школы съ строго опредѣленными религіозными, политическими и общественными взглядами и понятіями. Въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря воспиталось множество церковныхъ дѣятелей, которые въ продолженіи всего XVI вѣка поддерживали въ обществѣ господство идей Іосифа Волоцкаго и давали направленіе современной общественной жизни въ духъ этихъ идей, за что получили отъ своихъ современниковъ названіе «Іосифлянъ». Эта самая школа воспитала и Даниила, которому по праву принадлежитъ первое послѣ основателя мѣсто въ исторіи Волоколамской общины. Основаніемъ для избранія Даниила во игумена послужило то, что онъ представлялъ изъ себя образецъ дѣятельнаго и исправнаго инока, надѣленнаго большими умственными способностями, многоначитаннаго и просвѣщеннаго писателя и въ заключеніе всего человѣка съ тонкимъ практическимъ умомъ и съ большими дипломатическими способностями. Самый фактъ согласія Іосифа на избраніе въ игумена Даниила свидѣтельствуетъ о томъ, что основатель Волоколамскаго монастыря видѣлъ въ немъ не только преемника себѣ по должности, но и дѣятельнаго борца за свои идеи. Еще до избранія своего въ игумена Данииль открыто заявилъ и слабую сторону своего характера — честолюбіе, подъ вліяніемъ котораго онъ мечталъ объ игуменствѣ въ какомъ-нибудь другомъ монастырѣ и ни отъ кого не скрывалъ своихъ плановъ. Честолюбіе — самое большое мѣсто въ характерѣ Даниила, такъ много повредившее ему впоследствии. Какъ игумень, онъ заявилъ себя многостороннею дѣятельностью. Онъ заботился о расширеніи и увеличеніи монастырской бібліотеки, иногда самъ принимая участіе въ перепискѣ книгъ. Какъ хорошій администраторъ и опытный хозяинъ, онъ значительно увеличилъ земельныя владѣнія монастыря — то чрезъ пожертвованія благотворителей, то покупкою, то обмѣномъ.

Въ санѣ игумена Данииль выступилъ и на литературное поприще. Свято сохра-

няя всё завѣты преподобнаго Іосифа, онъ строго поддерживалъ данный монастырю его основателемъ уставъ, какъ административными мѣрами, такъ и пастырскими поученіями. Отъ времени его игуменства сохранилось его поученіе объ иноческомъ законѣ и правилахъ общаго житія, въ которомъ утверждается основной принципъ общежительныхъ монастырей: неизмѣніе личной собственности для монаха, и этотъ принципъ проводится до самой послѣдней степени—до запрещенія монаху имѣть собственныя книги и иконы. Строгий ригоризмъ настоятеля вызвалъ противъ себя даже письменную жалобу волоколамскихъ монаховъ. Слава о волоколамскомъ игуменѣ, какъ о мудромъ наставникѣ, распространилась за предѣлы монастыря. Къ нему за совѣтомъ обращался князь Юрій Иваковичъ Дмитровскій и получилъ отъ него въ отвѣтъ особое посланіе.

Будучи въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря, Данииль началъ приготовляться и къ литературной дѣятельности въ защиту идей своего воспитателя—преподобнаго Іосифа. Во время своего игуменства онъ занимался составленіемъ сборника церковныхъ правилъ, чтѣ находилось въ связи съ современными церковно-общественными вопросами. Въ то время въ русской церковной жизни происходила борьба двухъ противоположныхъ направленій: Іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ (послѣдователей Нила Сорскаго). Коренныя разности этихъ направленій касались многихъ современныхъ церковно-общественныхъ вопросовъ. Іосифляне получили тогда значеніе политической партіи, которая сливала церковь и государство. По ихъ воззрѣніямъ, Государь является главою церкви и вѣлѣдствіи этого долженъ быть строгимъ блюстителемъ всѣхъ церковныхъ интересовъ; это отношеніе являлось выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: государственная власть проникала во всё, даже не подходящія ей, сферы церковной жизни, а церковь, отказываясь отъ своей самостоятельности, взаимнѣ того получала отъ государства обязательство защищать всѣ ея права и интересы. На этомъ основаніи Іосифляне требовали сохраненія земельныхъ владѣній монастырей и казней для еретиковъ и противниковъ церкви. Это направленіе примыкало къ возраставшему въ то время самодержавію московскихъ

князей. Заволжцы же строго раздѣляли церковь и государство, предоставляли церкви независимость отъ свѣтской власти въ дѣлахъ духовныхъ, и если, съ другой стороны, и допускали вмѣшательство духовенства въ свѣтскія дѣла, то не иначе, какъ только во имя защиты религіозно-правственныхъ интересовъ своей паствы. Вѣрныя своимъ принципамъ, заволжцы возставали противъ монастырскихъ земельныхъ владѣній и всѣхъ преслѣдованій и казней еретиковъ. Они признавали необходимыми только мѣры духовно-правственнаго воздѣйствія на еретиковъ. Послѣдователи заволжскихъ старцевъ болѣе симпатизировали старымъ удѣльно-вѣчевымъ и земскимъ порядкамъ.

Первый періодъ борьбы между воззрѣніями Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго пронёсся въ княженіе Іоанна III и закончился торжествомъ послѣдняго. На московскихъ соборахъ 1503 и 1504 годовъ вопросы объ отношеніи къ еретикамъ и о земельныхъ владѣніяхъ монастырей получили свое разрѣшеніе совершенно согласно съ духомъ воззрѣній преподобнаго Іосифа. Но литературная борьба между двумя направленіями продолжалась и послѣ соборовъ 1503 и 1504 годовъ. По смерти преподобнаго Нила Сорскаго (+1508 г.) почителемъ и защитникомъ его идей выступилъ шюкъ Василіанъ Косой, бывшій князь Патрикѣевъ. Будучи близкимъ родственникомъ великаго князя Іоанна III и вмѣшавшійся въ политическія интриги старо-боярской партіи, князь Патрикѣевъ сильно былъ постриженъ въ монахи въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ и сдѣлался ученикомъ Нила Сорскаго. Въ 1503 году Василіанъ прибылъ въ Москву. Какъ великокняжескій родственникъ, онъ вошелъ въ милость преемника Іоанна III (+6 окт. 1503 г.), Василя Іоанновича, и сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. По смерти митрополита Симона (+1511 г.), рѣшавшаго на соборахъ вопросомъ въ духѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, на престолъ московской митрополіи вступилъ, можетъ быть не безъ вліянія Василіана, Варлаамъ, приверженецъ идей заволжскихъ старцевъ.

Перевѣтъ, повидному, склонялся на сторону идей заволжцевъ. Смѣлый и энергичный Василіанъ Косой, живя въ Москвѣ, вступилъ въ литературную полемику съ

Иосифом Волоцкимъ по спорнымъ между ними вопросамъ объ отношеніи къ еретикамъ и о монастырскихъ имуществамъ. Полемика продолжалась до самой смерти преподобнаго Иосифа (въ 1515 году) и въ концѣ приняла слишкомъ острый характеръ. Дошло до того, что Иосифъ запретилъ своимъ постриженникамъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ Васціаномъ, а этотъ послѣдній, въ порывѣ негодванія противъ своего антагониста, грозилъ разрушить даже самый Волоколамскій монастырь. Въ 1508 году прибылъ въ Москву Максимъ Грекъ, который по своимъ возрѣніямъ близко подходилъ къ заволжцамъ и потому скоро сдѣлался другомъ и совѣтникомъ Васціана Косаго.

Обстоятельства вдругъ сложились не въ пользу заволжцевъ. Великій князь Василій Иоанновичъ 17 декабря 1521 года насильственнымъ образомъ удалилъ съ кафедры митрополита Варлаама и заточилъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей Россіи. Причиною паденія Варлаама былъ его прямой и твердый характеръ, подъ влияніемъ котораго онъ говорилъ правду великому князю и не хотѣлъ знать никакихъ политическихъ расчетовъ, если только они не согласовались съ требованіями совѣсти. По завѣщанію преподобнаго Иосифа Волоцкаго вел. кн. Василій Иоанновичъ принялъ подъ свое особенное покровительство Волоколамскій монастырь и называлъ себя «прикащикомъ» преподобнаго Иосифа. Онъ часто любилъ посѣщать этотъ монастырь и охотился въ его окрестностяхъ. Посѣщеніями великаго князя и воспользовался для своего возвышенія игуменъ Даниилъ. Тонкій по уму, гибкій по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, весьма честолюбивый, онъ сумѣлъ понравиться великому князю, слѣдствіемъ чего было возведеніе его на митрополию 27 февраля 1522 года. При этомъ замѣчательно то, что избраніе Даниила въ митрополиты совершилось единою волею великаго князя безъ всякаго участія собора епископовъ. На митрополичьей кафедрѣ Даниилъ заявилъ себя типическою личностію іерарха—іосифлянина, бывшего покорнымъ слугою великаго князя и безмолвнымъ свидѣтелемъ, а иногда и послушнымъ орудіемъ его нерѣдко очень суровой политики. Въ частной своей жизни онъ успѣлъ примирять требованія мона-

шескаго аскетизма съ влѣшними благами и удобствами: онъ любилъ пышныя выѣзды, богатая одежда, хорошій столъ.

Вскорѣ по вступленіи на кафедру митрополитъ Даниилъ обнаружилъ свои нравственныя качества. Въ 1523 году великій князь обратился къ сѣверскому князю Василю Шемятичу съ требованіемъ пріѣхать въ Москву, подозрѣвая его въ измѣнѣ. Чтобы успокоить сѣверскаго князя, Василій Иоанновичъ и митрополитъ напередъ выслали ему «опасныя» грамоты съ удостовѣреніемъ въ его личной безопасности, а митрополитъ, кромѣ того, взялъ его «на образъ Пречистыя, да на чудотворцевъ, да на свою душу». Эти торжественныя обѣщанія не помѣшали однако великому князю посадить въ тюрьму Василя Шемятича спустя только нѣсколько дней по пріѣздѣ его въ Москву. Къ сожалѣнію, митрополитъ, взявшій на свою душу сѣверскаго князя, нѣсколько не подумалъ объ исполненіи даннаго обѣщанія и ровно ничего не сдѣлалъ для его защиты. Весьма многіе изъ современниковъ рѣзко осуждали образъ дѣйствій и вѣроломство митрополита, обратившаго въ средство для обмана самый священный обычай русскаго народа.

Еще болѣе унижилъ свое нравственное достоинство Даниилъ, дозволивъ великому князю разводъ. Василій Иоанновичъ около двадцати лѣтъ жилъ въ супружествѣ съ Соломонією Сабуровой, но бракъ ихъ оставался бездѣтнымъ. Желая во что бы то ни стало имѣть наслѣдника, великій князь задумалъ развестись съ своей женой и вступить въ новый бракъ, что было однакѣдѣломъ прямопротивнымъ церковнымъ правиламъ. Митрополитъ, желая сначала отклонить отъ себя это щекотливое дѣло, посоветовалъ великому князю обратиться за разрѣшеніемъ къ восточнымъ патріархамъ. Василій Иоанновичъ дѣйствительно обращался съ просьбою о разводѣ къ патріархамъ и даже въ афонскіе монастыри, но какъ отъ первыхъ, такъ и отъ вторыхъ получилъ рѣшительный отказъ. Послѣ этого и митрополитъ совершенно безнаказанно могъ также отказать великому князю въ его просьбѣ. Но по своему характеру Даниилъ не былъ способенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а честолюбивое желаніе сохранить за собою высокій санъ и мелочное опасеніе лишиться благоволенія вели-

каго князя побудили его рѣшиться на поступокъ, противный ученію Евангелія и правиламъ церкви. Данииль дозволялъ разводъ и даже 21 января 1527 года самъ повѣнчалъ великаго князя съ Еленюю Глинскою.

Допущенный митрополитомъ беззаконный разводъ великаго князя возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Особенно сильно возстала противъ несправедливыхъ дѣйствій князя и митрополита группа заволжскихъ старцевъ: Вассіанъ Косой, Максимъ Грекъ и пр. Люди строгихъ нравственныхъ правилъ видѣли въ поступкѣ митрополита предательство священныхъ правъ его сана. Но нашлись и такіе, которые, воспользовавшись разводомъ великаго князя, сами стали обращаться къ митрополиту съ такого же рода просьбою, такъ что послѣдній вынужденъ былъ литературнымъ путемъ останавливать подобныя попытки.

Незаконный разводъ великаго князя уронилъ въ глазахъ современниковъ авторитетъ митрополита, особенно среди боярства; одинъ бояринъ (Берсенъ-Беклемишевъ) оставилъ слѣдующій отзывъ о митрополитѣ Даниилѣ: «азъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ: не вѣдаю деи митрополитъ, не вѣдаю простой черпецъ... не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатяхъ и печаловалися государю о всѣхъ людѣхъ». Другіе современники называли Даниила «потаковникомъ», въ совершенный контрастъ прежнимъ митрополитамъ — печаловникамъ.

Не смотря на враждебное отношеніе общества, Данииль пользовался большимъ значеніемъ въ дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ во все время княженія великаго князя Василя Іоанновича. Какъ церковный администраторъ, онъ заявилъ себя человѣкомъ партіи, проводя на все высшія іерархическія должности людей своего направленія. Въ свое семнадцатилѣтнее первосвятительство онъ сумѣлъ сообщить всей русской церковной іерархіи одинъ общій, вполне соответствовавшій направленію Іосифа Волоцкаго, характеръ и тѣмъ самымъ на долгое время и послѣ себя удержалъ его въ русской церковной жизни.

Назначеніе Даниила митрополитомъ являлось ударомъ для блгозерскихъ старцевъ. Вассіанъ Косой и по смерти преподобнаго

Іосифа продолжалъ изучать спорный вопросъ о вотчинныхъ правахъ монастырей. Онъ рѣшился даже составить новый сборникъ правилъ, на что и испросилъ благословеніе митрополита Варлаама. Сборникъ написанъ былъ Вассіаномъ въ 1517 году. Но онъ и послѣ того продолжалъ трудиться надъ его частными отдѣлами. При содѣйствіи Максима Грека Вассіанъ составилъ особый каноническій трактатъ, въ которомъ еще рѣшительнѣе выступилъ противъ вотчинныхъ правъ монастырей. Этотъ трактатъ опъ присоединилъ къ списку своей кормчей книги.—По пріѣздѣ въ Москву Максимъ Грекъ на первыхъ порахъ пользовался большимъ вниманіемъ великаго князя и митрополита Варлаама. Кромѣ переводовъ онъ занимался и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ оказалась масса ошибокъ. Между Данииломъ и Максимомъ Грекомъ установились на первыхъ порахъ сносныя отношенія, но не надолго. Въ 1524 году митрополитъ поручилъ Максиму перевести сочиненія Θεодорита еп. Кирскаго. Но тотъ отказался отъ перевода, высказывая опасеніе, что сочиненія Θεодорита могутъ быть опасны для простаго малообразованнаго народа. Митрополитъ этимъ объясненіемъ не удовлетворился и трижды повторялъ Максиму свою просьбу, но напрасно. Настойчивый отказъ чувствительно задѣлъ самолюбіе Даниила. Возникшая отсюда вражда между нимъ и Максимомъ Грекомъ увеличивалась все болѣе и болѣе влѣдствіе слишкомъ прямого характера святогорскаго инока, который въ своихъ сочиненіяхъ открыто осуждалъ несоотвѣтствовавшую званію жизнь митрополита и епископовъ. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются такія обличительныя мѣста, въ которыхъ легко можно видѣть указаніе на самаго митрополита Даниила.—Рѣзкія, хотя и правдивыя обличенія святогорца монашеской распущенности и роскоши епископовъ вооружали противъ него почти всю современную церковную іерархію. Противорѣчіе Максима Грека, великому князю въ дѣлѣ его развода съ женою и близкая его связь съ нѣкоторыми опальными людьми (бояриномъ Ив. Берсенъ-Беклемишевымъ и дьякомъ Θεодоромъ Жаренымъ) подорвали положеніе его въ глазахъ великаго князя и лишили его поддержки двора. А этого только и нужно было многочислен-

нымъ врагамъ святогорца. Въ маѣ мѣсяцѣ 1525 года открылся цѣлый рядъ соборовъ для суда надъ Максимомъ Грекомъ, на которыхъ роль судьи и обвинителя принадлежала митрополиту Даниилу. На соборѣ Максима обвиняли въ томъ, что онъ называлъ русскія богослужебныя книги испорченными и указывалъ на необходимость ихъ исправленія. Такой взглядъ на неудовлетворительное состояніе богослужебныхъ книгъ митрополитъ Данииль называлъ „дерзкою худлою и злымъ мудрованіемъ“. Далѣе подсудимаго обвиняли въ разныхъ ошибкахъ, обнаружившихся въ его собственныхъ книжныхъ исправленіяхъ. Ошибки были совершенно естественны въ положеніи Максима, не знавшаго русскаго языка и переводившаго своимъ толмачамъ съ греческаго на латинскій, а эти послѣдніе уже съ латинскаго переводили на русскій. (Его обвиняли, напримеръ, въ томъ, что онъ, вмѣсто «безстрастно Божество», написалъ „пестрашно Божество.“) Въ ряду другихъ обвиненій митрополитъ выставилъ противъ Максима его литературныя разсужденія о неприличіи монастырямъ владѣть землями и крестьянами, которые, по мнѣнію обвинителя, были не чѣмъ инымъ, какъ злымъ еретическимъ мудрованіемъ и худлою на всю русскую церковь и всѣхъ русскихъ святыхъ. На соборахъ 1525 года Максиму поставили въ вину то, что онъ донесивался грамоты, которою утверждалась независимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, и, не донесавшій ее, сталъ называть самостоятельность русской церкви самочиніемъ и безчиніемъ. Подсудимый подтвердилъ возводимое на него обвиненіе. Догматическимъ заблужденіемъ Максима выставлено было ученіе о Христѣ, что сидѣніе Его одесную Отца есть мишувшее, а не предвѣчное.— Это ученіе—дѣйствительно еретическое, но оно являлось лишь плодомъ малаго знакомства Максима съ русскимъ языкомъ. Когда на соборѣ изложили ему православное ученіе о предвѣчномъ сидѣніи и указали на его заблужденіе, то онъ сказалъ, что между православнымъ ученіемъ о сидѣніи одесную Бога Отца и его собственнымъ «разнствіи некотораго нѣтъ». Но митрополитъ не хотѣлъ брать во вниманіе оправдывавшихъ подсудимаго обстоятельство. Судъ надъ Максимомъ окончился

сылкою его въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь «для покаянія и исправленія», съ строгимъ запрещеніемъ ничего не писать и не сочинять. Во время своего заключенія въ Волоколамскомъ монастырѣ Максимъ перенесилъ ужасныя страданія отъ голода, дыма, мороза, и по временамъ доходилъ даже до безчувственнаго состоянія.

Въ 1531 году надъ Максимомъ состоялся новый соборный судъ. Ближайшимъ поводомъ къ нему послужило обвиненіе политическаго характера въ связи его съ турецкимъ посломъ, а потомъ и оскорблявшее самолюбіе митрополита его поведеніе въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ называлъ себя несправедливо осужденнымъ и, наконецъ, открывшіяся новыя ошибки въ его переводахъ. Главнымъ обвиненіемъ противъ Максима Грека послужилъ переводъ житія преев. Богородицы, сочин. Метастраста, гдѣ находилась одна еретическая фраза. Шестилѣтнее заключеніе въ монастырѣ положило тяжелый отпечатокъ на всемъ складѣ его характера. Подъ концъ соборнаго суда Максимъ созналъ себя виновнымъ «въ нѣкихъ малыхъ описяхъ» и для большаго воздѣйствія на отцовъ собора трижды повергался ницъ предъ митрополитомъ, прося прощенія и снисхожденія. Но гордый и мстителный Данииль не зналъ добродѣтели великодушія. На униженіе подсудимаго онъ съ нескрывасою злобою и злорадствомъ отвѣчалъ: «достигша тебе, окаянный, грѣси твои, о немъ же отрекися превести ми священную книгу блаженнаго Θεодорита!» Дѣйствовавшій подъ влияніемъ митрополита соборъ снова осудилъ Максима и «аки хульника и священныхъ писаній тлителя», въ оковахъ, съ лишеніемъ права причастія Св. Танигъ, послалъ его во вторичное заточеніе уже въ тверской Отрочъ монастырь подъ надзоръ тамошняго епископа Акакія, бывшаго волоколамскаго постриженника. Святой, благородный характеръ Максима побудилъ его некатъ примиренія съ митрополитомъ Данииломъ, когда тотъ уже былъ низложенъ съ кафедры. Максимъ особымъ письмомъ просилъ низверженнаго митрополита «раззорить многолѣтнее свое негодованіе на него».

Вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ на соборѣ 1531 года привлеченъ былъ къ суду и Вассіанъ Косой. Противъ него были вы-

ставлены слѣдующія обвиненія: 1) присвоеніе Вассіаномъ, лицомъ не іерархическимъ, себѣ права учительства; хотя и обвинитель его, митрополитъ Даніиль, въ своихъ сочиненіяхъ не всегда былъ вѣрнѣе высказанному имъ на соборѣ 1531 года отрицательному взгляду на право частнаго учительства не іерархическими лицами, 2) составленіе новаго сборника правилъ, хотя этотъ сборникъ съ дозволенія митрополита Варлаама написанъ былъ Вассіаномъ еще въ 1517 году и одинъ изъ списковъ котораго находился у великаго князя; да и самъ обвинитель Вассіана, будучи въ санѣ игумена Волоколамскаго монастыря, занимался также составленіемъ сборника правилъ; Вассіанъ судился за свою корычную, главнымъ образомъ, настолько, насколько онъ въ ней отрицательно относился къ жгучему вопросу своего времени—вопросу о земельныхъ владѣніяхъ монастырей; 4) непочитаніе святыми недавно канонизованныхъ святыхъ: митр. Юны и Макарія Калязинскаго; Вассіанъ на всѣ доводы митрополита въ защиту святости вновь причисленныхъ къ лику святыхъ мужей, съ проніей замѣтилъ: «ино, господине, вѣдаетъ Богъ да ты и съ своими чудотворцы»; 5) рѣзкіе отзывы о неудовлетворительномъ состояніи церковно-богослужебныхъ книгъ въ Россіи; 6) еретическое ученіе о томъ, что воспріятое Иисусомъ Христомъ при рожденіи тѣло человѣческое совершенно отлично отъ тѣлъ всѣхъ другихъ людей; оно по существу своему нетлѣнно и было такимъ до воскресенія Спасителя. Въ судѣ надъ Вассіаномъ, кромѣ дѣйствительныхъ поводовъ къ обвиненію, обнаружилось и личное раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго митрополитъ унижалъ личность самаго подсудимаго, называя его малоумнымъ и безумнымъ. Вассіанъ на соборѣ держалъ себя свободно и независимо, а по временамъ даже и дерзко, и на оскорбленіе отвѣчалъ оскорбленіемъ. Соборъ осудилъ Вассіана какъ еретика (что было вѣрно по отношенію къ лжеученію о плоти Христовой) на заточеніе, а митрополитъ Даніиль постарался заранее приготовить ему мѣсто въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ вполне могъ положить на бдительный надзоръ тамошнихъ иноковъ. Въ этомъ монастырѣ Вассіанъ и окончилъ свою многмятежную жизнь. Судъ надъ Вассіаномъ Косымъ—самый выдающійся и

замѣчательный эпизодъ въ исторіи борьбы іосифлянъ и завожскихъ старцевъ, который роковымъ образомъ окончился для послѣднихъ.

Время съ 1531 по 1533 года было самымъ цвѣтущимъ и замѣчательнымъ временемъ для митрополита Даніила. Значеніе его при дворѣ возросло вслѣдствіе отсутствія соперниковъ. За нѣсколько дней до начала торжества своего надъ Максимомъ и Вассіаномъ, митрополитъ Даніиль канонизовалъ (1 мая 1531 года) преподобн. Пафнутія Боровскаго, учителя преп. Іосифа Волоцкаго.

Великій князь Василій Іоанновичъ (+3 декабря 1533 г.) умирая приказалъ «великую княгиню и дѣти своя отцу своему Данилу митрополиту». Исполняя волю умершаго, митрополитъ торжественно въ Успенскомъ соборѣ благословилъ малолѣтняго Іоанна IV на великое княженіе. Правленіе государствомъ перешло въ руки боярскаго думы, гдѣ засѣдалъ и митрополитъ, но прежнимъ государственнѣмъ значеніемъ онъ уже не пользовался. При жизни правительницы Елены онъ еще прочно держался на мѣстѣ, но положеніе его въ боярскаго думѣ было болѣе пассивнымъ. Это видно изъ того уже, что онъ не могъ защитить отъ происковъ бояръ Дмитровскаго князя Юрія Ивановича, великаго благодѣтеля Волоколамскаго монастыря и его самаго. Въ 1534 году, Даніиль въ угоду правительницѣ и боярамъ, послалъ наказъ старицкому князю Андрею Ивановичу, чтобы онъ явился въ Москву, причѣмъ бралъ его «на свои руки», угрожая въ противномъ случаѣ церковнымъ отлученіемъ. Но князь Андрей добровольно не явился, былъ схваченъ и умеръ въ тюрьмѣ. Слабость государственнаго значенія Даніила выразилась въ томъ, что въ 1535 году явилось враждебное церкви узаконеніе, запрещающее монастырямъ покупать и брать въ закладъ или на поминъ души вотчинныя земли служилыхъ людей безъ вѣдома правительства. Въ слѣдующемъ году боярскаго правительство отобрало значительную часть церковныхъ земель въ Новгородѣ.—По смерти правительницы Елены (3 апр. 1538 г.), образовались двѣ боярскія партіи: Шуйскихъ и Вѣльскихъ, которыя враждовали между собою, и каждая изъ нихъ старалась захватить власть въ свои руки. Положеніе Даніила сдѣлалось критическимъ. Лишившись всякой

опоры, онъ не зналъ, къ какой сторонѣ примкнуть. Онъ сталъ на сторону князи Ивана Бѣльскаго, но партія Бѣльскаго пала, Шуйскіе восторжествовали. Данииль ожидалъ своего паденія отъ насилія Шуйскихъ. Въ январѣ 1539 года онъ разослалъ окружное посланіе своей паствѣ «о смиреніи, о соединеніи, и о согласіи и любви, и о соблюденіи православныи вѣры и закона», въ которомъ съ чувствомъ любовелобильнаго отца и съ убѣдительностію лучшаго проповѣдника изобразилъ «випулытъ сихъ и времянь» и осуждалъ «несогласія и пререканія, раздѣленія же и распренія». Вскорѣ послѣ паденія Бѣльскаго, Данииль 2 февраля 1539 года насильственно сведенъ былъ съ митрополіи княземъ Иваномъ Шуйскимъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Шуйскій употребилъ еще новое насиліе надъ митрополитомъ, потребовавъ отъ него отреченную грамоту, въ которой Данииль, какъ будто, самъ добровольно отказывался отъ митрополіи. Грамота была подписана Данииломъ 26 марта, тогда какъ еще 6 февраля избранъ и посвященъ былъ его преемникъ Іоасафъ Скрипицынъ, но возрѣніямъ склонявшійся въ пользу идей заволжцевъ. Но строгій и благочестивый Іоасафъ оказался неудобнымъ для Шуйскаго и его сторонниковъ. Увидѣвъ свою ошибку, Шуйскій въ 1542 году свергъ Іоасафа съ митрополіи и на его мѣсто возвелъ архіепископа новгородскаго Макарія, іосифлянина по возрѣніямъ и по воспитанію. Такимъ образомъ, Данииль своею административною и литературною дѣятельностію подготовилъ и заранѣе опредѣлилъ характеръ рѣшеній Стоглаваго собора. По удаленіи съ митрополіи, Данииль остальную жизнь провелъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ полной безвѣстности. Здѣсь онъ написалъ не дошедшую до насъ «Духовную», которая, можетъ быть, представляла изъ себя аналогическій видъ съ духовной или монастырскимъ уставомъ преп. Іосифа Волоцкаго. Данииль умеръ 22 мая 1547 года. Онъ былъ погребенъ въ маломъ придѣлѣ главной церкви на правой сторонѣ близъ алтаря. Къ сожалѣнію, потомство не сохранило никакихъ слѣдовъ отъ гробницы митрополита Даниила.

Митрополитъ Данииль замѣчателенъ своими многочисленными сочиненіями. Ему принадлежитъ «Соборникъ», состоящій изъ

шестнадцати «Словъ». Большая часть этихъ «Словъ» написана съ политическими цѣлями. Въ четырехъ «Словахъ» Соборника (V, VI, VII и XI) излагается догматическое ученіе, пятое Слово «о воплощеніи» написано въ опроверженіе ереси Вассіана Косаго, шестое «о неизреченной милости Владыки Христа» и седьмое «о премудрости смотрѣнія Господня вочеловѣченія» составлены противъ догматическихъ заблужденій жидовствующихъ; одиннадцатое «Слово» о промыслѣ Божіемъ «написано противъ утвердившагося тогда въ русскомъ народѣ ожиданія кончины міра и противъ вѣры въ силу астрологическихъ предсказаній. Первое «Слово» Даниловскаго «Соборника»: «О ложныхъ пророкахъ и о ложныхъ учителяхъ, и объ истинныхъ учителяхъ» направлено противъ тайной пропаганды жидовствующихими своего лжеученія. Здѣсь для противодѣйствія успѣхамъ еретической пропаганды авторъ совѣтуетъ, послѣ того какъ всѣ мѣры испробованы и остались безъ результата, производить раздоръ, вражду между еретиками. Осьмое «Слово» Даниловскаго «Соборника» подзаглавіемъ: «На враговъ Божіихъ» посвящено обсужденію вопроса объ отношеніи къ упорнымъ, откритымъ еретикамъ, для которыхъ писатель требуетъ, хотя только въ самомъ крайнемъ случаѣ, строгихъ мѣръ со стороны гражданскаго начальства. Данииль въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ, сравнительно съ Іосифомъ Волоцкимъ, отличается большею умѣренностію своихъ требованій. Точно также съ полемическою цѣлію и ближайшимъ образомъ противъ жидовствующихихъ направлены третье «Слово» «Соборника», излагающее ученіе о сохраненіи всѣхъ церковныхъ преданій и уставовъ, и четвертое «Слово», содержащее въ себѣ ученіе о крестномъ знаменіи и обращеніи въ молитвахъ на востокъ. Четвертое «Слово» митрополита Даниила, въ которомъ нашло себѣ мѣсто ученіе о двуперстіи, пользуется особеннымъ уваженіемъ у раскольниковъ.

Остальныя заключающіяся въ Даниловскомъ «Соборникѣ» восемь «Словъ» посвящены изложенію нравственнаго ученія, подвергавшагося со стороны современниковъ разнымъ извращеніямъ и превратнымъ толкованіямъ. Такъ, тринадцатое «Слово» содержитъ въ себѣ опроверженіе установившагося въ обществѣ взгляда о невозмож-

ности полученія спасенія въ мірѣ; двѣнадцатое—предлагаетъ ученіе о всеобщей обязательности всего христіанскаго закона въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ одностороннихъ людей, которые составили себѣ взглядъ на необязательность для мірянъ нѣкоторыхъ требованій христіанской нравственности; четырнадцатое, пятнадцатое и шестнадцатое «Слова» написаны противъ разводовъ; девятое и десятое—противъ пересудовъ, лбедничества и допосовъ; второе—противъ вражды.

По формѣ «Слова» Даниила всегда раздѣляются на три части: первая часть—самостоятельная, относящаяся болѣе или меньше къ темѣ «Слова»; вторая представляетъ изъ себя рядъ однихъ свидѣтельствъ изъ священнаго писанія и свято-отеческой литературы, иногда очень обширной; третья часть, озаглавливаемая обыкновенно «наказаніемъ», состоитъ всегда изъ нравственныхъ наставленій и не отличается единствомъ предмета, равно какъ и не находится въ связи съ общею темою. Это—не болѣе, какъ самостоятельныя поученія, очень цѣнныя для характеристики русскаго общества XVI вѣка. Ни одинъ церковный писатель не оставилъ намъ такого подробнаго и разносторонняго описанія нравовъ своего времени, какъ митрополитъ Данииль. Въ своихъ поученіяхъ онъ обличаетъ пьянство, разгулъ, увеселенія и роскошь въ высшемъ русскомъ обществѣ; рельефно описываетъ типъ современнаго франта и волокиты, выцѣпывавшаго себѣ бороду и усы, румянивашагося, подобно жещицамъ, щеголявшаго малымъ размѣромъ поги и красотю своихъ разноцвѣтныхъ сапоговъ. Особенно онъ вооружается противъ современнаго разврата. Авторъ касается и другихъ ненормальныхъ сторонъ современной жизни: поединковъ, угнетенія низшихъ классовъ высшими, взяточничества судей и властей, положенія жещицъ въ обществѣ и семьѣ, воспитанія дѣтей, положенія рабовъ и т. п.

Кромѣ «Соборника» съ шестнадцатю словами, существуетъ еще особый сборникъ съ четырнадцатю посланіями Даниила. Посланія эти слѣдующія: 1) въ общежительный монастырь св. Николаи во Владимірѣ на Волосовѣ о сохраненіи монастырскаго устава; 2) къ епископу, обвиняемому въ лихоимствѣ; 3) посланіе къ

тому-же епископу о необходимости имѣть попеченіе о себѣ и о пастырствѣ; 4) о скоротечности земной жизни; 5) о видахъ монашества: общежитія и скитствѣ; 6) о дѣвствѣ и супружествѣ; 7) посланіе въ Волоколамскій монастырь о строгомъ соблюденіи правилъ общежитія и противъ плѣнія монахами личной собственности; 8) о страшномъ судѣ; 9) «о наказаніи» (о страхѣ Божіемъ); 10) о вредѣ бесѣдъ съ жещицами и съ женовидными юношами; 11) посланіе о цѣломудріи и чистотѣ; 12) о цѣломудренномъ и благоговѣнномъ житіи; 13) о цѣломудріи и чистотѣ и о храненіи дѣвства (въ этомъ посланіи находится неправильное мнѣніе о допустимости скопчества) и 14) посланіе о духовномъ вниманіи, трезвеніи и бреженіи.—Всѣ эти посланія помещены въ одномъ сборникѣ. Но отъ Даниила сохранилось еще нѣсколько посланій, разбѣянныхъ по разнымъ рукописнымъ сборникамъ. Эти посланія слѣдующія: 1) окружное посланіе, писанное въ январѣ 1539 г. 2) посланіе къ Діонисію Звенигородскому о христіанскомъ несеніи скорбей и о послушаніи игумену; 3) посланіе князю Юрію Ивановичу Дмитровскому—о постѣ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы; 4) посланіе къ лицу неизвѣстному о блудныхъ помыслахъ; 5) посланіе къ нѣкоторому христіанскому, вопросившему его о здравіи; 6) наказъ кн. Андрею Старицкому.

Кромѣ словъ и посланій, Даниилу принадлежатъ: отреченная грамота «духовная» (или монастырскія уставы), не сохранившаяся, семь поученій, извѣстныхъ только по названію (въ собраніи Стросова), сборникъ актовъ, грамотъ и дарственныхъ записей, относящихся къ каедрѣ митрополита московскаго и собранію кормчей книги. По порученію Даниила сдѣланъ былъ въ 1534 году переводъ съ нѣмецкаго языка лѣчебника (иначе травника).

В. Жмакинъ: «Митрополитъ Данииль и его сочиненія» М. 1881 г. Евгений Болховитиновъ: Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. ч. I. Спб., 1818 г. 114—115. Филаретъ Черниговскій: Обзоръ русской духовной литературы. Вѣляевъ: Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ Извѣстіяхъ Император. Академіи Наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности, т. V. 1856 г. 194—209. Горскій и Новоструевъ: Описаніе рукописей Спб. библ., отд. II, вл. III, м. 1862 г. № 237, 147—164. Русская проповѣдь въ XI и XVI вѣкахъ (Журн. мин. народн. пр., 1868 г., ч. 137—

138 свѣц. П. Θ. Николаевскаго. Митрополитъ Макарій: Исторія русской церкви т. VI и VII. Свѣц. Гинбовъ: Даниилъ м. московскій, какъ проповѣдникъ.—Рязан. еп. вѣдомости 1874 г. № 6. XXV-е присужденіе премій графа Уварова Академією Наукъ. В. Жмакинъ.

Даниилъ (*Наттокъ - Михайловскій* или *Мирдамыскій*), архіепископъ могилевскій (1755—1821 гг.), „природою малороссійанинъ“, сынъ священника, родился въ 1755 году. Образование получилъ въ кіевской академіи, въ 1780 г. постригся тамъ въ монашество съ именемъ Даниила, нѣкоторое время учительствовалъ и былъ намѣстникомъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1786 г. былъ назначенъ игуменомъ Георгіевскаго лебединскаго монастыря, въ 1796 г. опредѣленъ старшимъ игуменомъ виленскій монастырей, присутствующимъ въ мнискій консисторіи и ректоромъ семинаріи, а въ 1797 г. возведенъ въ санъ архимандрита виленскаго Свято-Духова монастыря. Въ 1800 г. вызванъ въ С.-Петербургъ для исполненія чреды священнослуженія и 1 марта былъ назначенъ настоятелемъ Назаретъ-Богородичнаго пѣжинскаго монастыря, а въ слѣдующемъ году перемѣщенъ въ каменецъ-подольскій Троицкій монастырь, состоя и присутствующимъ въ консисторіи. 20 декабря 1805 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи архимандрита Даниила епископомъ волыно-житомірскимъ (1 февр. 1806 г. было назначеніе, а 2 февр. хиротонія). 1813 г. 6 іюля епископъ Даниилъ былъ перемѣщенъ на могилевскую кафедру, гдѣ незадолго предъ симъ бывшій архіепископъ Варлаамъ (Шпшацкій) со всеѣмъ духовенствомъ присягнулъ Наполеону. Смущенное духовенство недружелюбно встрѣтило новаго архипастыря, и на первыхъ порахъ у преосвященнаго Даниила было много заботъ, но онъ ревностно принялся за дѣло, и вскорѣ все приведено было въ должный порядокъ. Въ 1816 г. 2 марта онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а 31 мая 1821 г. скончался. Это былъ архипастырь твердый, стойкій и законовѣдъ.

(Дѣла арх. Св. Син. 1800 г. № 111; 1805 г. № 581; 1813 г. Л. № 372, 402, 636; 1816 г. № 304; 1821 г. № 671; Воышскій епарх. вѣдом. 1869 г. № 24).

Здр.

Даниилъ, епископъ смоленскій (1375—1397 гг.). О немъ извѣстно, что въ епископа онъ хиротонисанъ около 1375 года,

но въ 1382 г. уѣхалъ изъ Смоленска въ Москву и тамъ остался; великій князь Дмитрій Донской далъ ему въ епархіальское владѣніе городъ Звенигородъ, и Даниилъ именовался „владыкою звенигородскимъ“. Скончался въ Чудовѣ монастырѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1397 года.

Строевъ: „Списки іерарховъ“ Спб. 1877 г. Діевъ: „Повѣрка іерархич. каталоговъ“ рукоп. синод. архивъ и др.).

Здр.

Даниилъ, епископъ суздальскій 1346—1362 гг.). Епископъ Даниилъ былъ хиротонисанъ на суздальскую кафедру около 1349 года, но вскорѣ, послѣ вступленія въ управленіе епархією, началъ дѣло о возвратѣ ему тѣхъ селъ, которыми раньше владыка суздальскій архіерси и которія при возстановленіи епархіи были оставлены за княземъ; когда же и по просьбѣ его села не были возвращены, то Даниилъ простеръ гнѣвъ свой на княжескихъ бояръ и отлучилъ ихъ отъ церкви. За это и самъ былъ отлученъ митрополитомъ, и только въ 1351 г., по просьбѣ князя, митрополитъ снялъ съ него отлученіе, „и тогда принѣвъ древній свой санъ“, возвратился въ Суздаль, но былъ недолго; въ 1352 г. удался на покой и скончался въ 1362 году.

Строевъ, „Списки іерарховъ“ Спб. 1877 г. Діевъ, „Повѣрка іерархич. каталогъ“ (рукоп. синод. арх.) Титовъ — „Суздальская іерархія“ Москва, 1892 г.).

З др.

Даниилъ, костромской протопопъ, одинъ изъ первыхъ расколоучителей, ближайшій другъ Аввакума, вмѣстѣ съ которымъ, при началѣ Никоновой реформы, въ 1653 г., подаль царю Алексею Михайловичу челобитную „о двуперетномъ сложеніи и поклонанхъ“, до паствы не дошедшую. Челобитная эта однако осталась безъ послѣдствій. Вскорѣ началось преслѣдованіе раскола, и Даниилъ пострадалъ однимъ изъ первыхъ; онъ былъ схваченъ, торжественно разстриженъ Никономъ, посаженъ сначала въ хлѣбопечарню Чудова монастыря, потомъ сосланъ въ Астрхань и посаженъ въ земскую темницу, гдѣ его, по словамъ Аввакума, уморили.

Главныя свѣдѣнія о Даниилѣ даетъ житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное (Субботинъ. Матеріалы исторіи раскола. Москва. 1879 г. т. V стр. 19). См. еще Вертоградъ Духовный или Виноградъ Россійскій, соч. Семена Денисова (Александръ В. Описание нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Часть I. Спб. 1861 г. стр. 132). А. Вороздинъ.